

УДК: 72.04(477.75)"8/9"

ББК: 85.11

DOI: 10.18688/aa2212-01-08

В. П. Кирилко

Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма

Традиционно считается, что каменный декор монументальных построек средневекового Крыма в ранневизантийский период (V–VII вв.) был представлен преимущественно привозными изделиями из проконнесского мрамора. С прекращением работы каменоломен Пропонтиды, в VIII–X вв., им на смену приходят споллии и известняковые копии, воспроизводившие классические образцы [23, с. 130–152; 4]. Основная масса таких архитектурных деталей была получена при раскопках Херсонеса. На других памятниках региона они менее известны. История изучения раннесредневековой архитектурной пластики Крыма, библиография по теме и результаты исследований достаточно подробно представлены в серии статей Л. Г. Хрушковой, которые позволяют реально оценить состояние проблемы, прежде всего, в самой дискуссионной её части, связанной с хронологией изделий [17; 18; 19; 20; 21; др.]. Датировка декоративных мраморов, как правило, особых затруднений не вызывает. Интерпретация местных произведений камнерезного искусства чаще всего небесспорна, поскольку обычно основывается на аналогиях и материалах раскопок, используемых не всегда корректно и, как следствие, противоречащих друг другу. Главной целью исследования является устранение хронологических разногласий, возникающих при искусствоведческом и археологическом изучении архитектурного убранства зданий.

Среди крымских изделий, подражающих позднеантичным и ранневизантийским образцам, выделяется резной декор, выполненный из светло-серого мергеля. При упоминании материала архитектурных деталей, сопоставимого с последним, в публикациях нередко сообщается также, что те «были сделаны из мягких и довольно хрупких пород известняка» [12, с. 46] или изготовлены «из серого известняка, который расщепляется, слоится и крошится» [14, с. 378, 386]. Перечисленные свойства являются характерными для мергеля. Камень имеет плотную однородную структуру, легко обрабатывается и позволяет получать изящные формы, по качеству сопоставимые с мраморными рельефами. Вместе с тем он достаточно ломкий. Основные месторождения мергеля, пригодного для декоративной пластики, находятся на территории Внутренней гряды Крымских гор, а географические рамки распространения строительной продукции из него охватывают юго-западную и югобережную части полуострова. Наиболее показательные находки представлены на памятниках Баклы, Мангупа, Партенита и Ласпи.

Результаты искусствоведческого и археологического изучения сооружений, украшенных рельефами из мергеля, между собой совпадают только в одном случае. Во время раскопок баклинского храма X–XIII вв. были обнаружены детали портала первоначального строения — фрагменты резного фриза, обломок капители с орнаментом в виде виноградных гроздей и базы колонн [12, с. 46, 52–53, рис. 4; 6]. Предметное исследование находок, предпринятое В. Е. Рудаковым и В. П. Степаненко, свидетельствует о том, что декор архитектурного обрамления входа уверенно может быть датирован второй половиной X — рубежом X–XI вв. По их мнению, подкреплённым выводами других специалистов, в частности, А. Грабар, А. В. Банк, А. Л. Якобсона и Л. Г. Хрушковой, стилизованное изображение виноградной лозы и перекрещивающихся пальметт, украшавшее поверхность фриза, для Византии является новым типом орнамента. Он получил распространение «со второй половины X по XI в. включительно, в отличие от двух остальных типов орнаментальных мотивов, существовавших до середины X в. — “пережиточного античного” и “заимствованного иранского”, популярных в конце IX — первой половине X в.» [25, р. 28; 13, с. 69–72, рис. 2].

Предельно противоречивая ситуация возникла в ходе изучения декоративного убранства мангупской и партенитской базилик. Первая также известна под условным названием «Большая», поскольку среди остальных подобных ей сооружений города ощутимо выделялась своей величиной, вторая была возведена в честь св. Апостолов Петра и Павла. Несмотря на то, что их датировки являются крайне дискуссионными [19; 1], вывод о тождестве и раннесредневековом происхождении порезки из мягкого серого известняка, характерной для обеих церквей, считается общепринятым, но далеко не бесспорным.

Так, в 1938 г. при раскопках неоднократно перестраивавшихся Большой базилики Мангупа и расположенной рядом с ней крещальни VI–XV вв. [19; 3, с. 153–154] М. А. Тиханова обнаружила в переотложенном состоянии многочисленные обломки резных архитектурных деталей «из местного серого известняка» [14, с. 372, 386, рис. 34, 39, 42]. Наиболее показательными являются две находки (Рис. 1).

Первая представляет собой фрагмент плиты с рельефной передней гранью, украшенной двойным рядом листьев острозубчатого аканфа. Обломок мог принадлежать менсе престола. На верхней плоскости детали имеются граффити в виде надписей и рисунков. По мнению М. А. Тихановой, центральная надпись выполнена унциальным письмом V–VI вв., что, по сути, даёт *terminus ante quem* артефакта [14, с. 386, рис. 42: в]. В. П. Яйленко датирует граффити VI в. [22, с. 163]. А. И. Айбабин подверг сомнению выводы предшественников, аргументированно доказав появление надписи не ранее XI в. [2, с. 123–124]. А. Ю. Виноградов называет карниз ранневизантийским и предполагает, что его фрагменты при вторичном применении «были вмурованы в стену верхней стороной наружу и использовались для граффити». Инвокативные надписи на поверхности изделия он убедительно датирует IX–XI и X–XI вв., обосновывая свой вывод палеографическими особенностями текста [24, V 183, V 193]. Следовательно, почти на пять столетий смещается и *terminus ante quem*. Тем не менее, Л. Г. Хрушкова, ссылаясь на выводы М. А. Тихановой, датирует изделие VI в., причём утверждает, что в этом «можно не сомневаться» [19, с. 117; 20, с. 162, рис. 10].

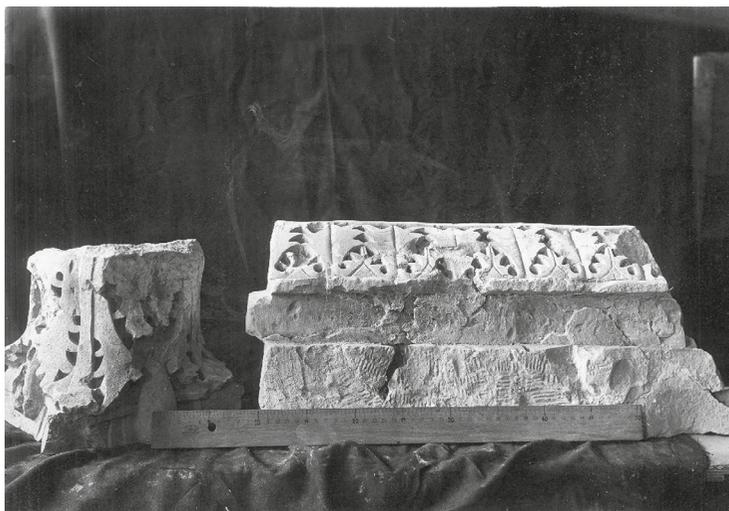

Рис. 1. Фрагменты архитектурных деталей из раскопок Большой базилики Мангупа [20, рис. 10]

Вторая находка М. А. Тихановой определена как «византийско-коринфская капитель из местного серого известняка, украшенная аканфом, с профилированной полочкой (абаком)», которая, «по-видимому, принадлежала пилястру». По мнению исследовательницы, у этой архитектурной детали есть очень близкие аналогии в декоративных элементах двух базилик — в Рогуз-Дере под Мангупом и Партенитской. Что касается даты найденной капители, то М. А. Тиханова считает: «как по технике, так и по стилю она не может быть отодвинута за пределы VI в.» [14, с. 385–386, рис. 42: 6].

Подобным образом оценивает находку и Л. Г. Хрушкова, предполагая её принадлежность алтарной преграде. Само изделие ею трактовано как довольно неумелая имитация и датировано «концом V или началом VI в.». Особое внимание исследовательница обратила на самобытный декоративный элемент архитектурной детали: «Один необычно массивный выступающий ов помещён на несвойственное ему место на корпусе капители, между листьями аканфа, и переходит на абак». Как следствие, появляется вывод о том, что «мастер не имел ясного представления о структуре капители» [17, с. 143, рис. 10; 19, с. 116, рис. 8]. Выступ в верхней части изделия, на самом деле, овом не является. Он уверенно может быть определён как заготовка под рельефный побег из двух начинающих распускаться листьев, который просто остался незавершённым. По крайней мере, именно такая форма ему придана на другой стороне капители [14, рис. 42: 6].

В качестве аналогий данной находке Л. Г. Хрушкова выделяет три подобных изделия, обладающих общими чертами. Прежде всего, это маленькая известняковая капитель из базилики в Партенитах, тонкий зубчатый аканф которой также является довольно грубым подражанием мраморным образцам. Вторым примером служит архитектурная деталь, обнаруженная А. И. Маркевичем при раскопках храма в Рогуз-Дере под Мангупом. По мнению Л. Г. Хрушковой, ей присущ тот же стиль резьбы: «длинные листья

тонкого зубчатого аканфа, размещённые в одной плоскости; их поверхность оживлена геометризованными дырочками разных форм и размеров». Изделие отличается лишь наличием необычного мотива — «на абаке помещена крупная, энергично вырезанная шестилепестковая розетка в медальоне», трактуемая исследовательницей как «своеобразное воспоминание о мраморных капителях римской эпохи, которые видимо, были знакомы мастеру». В качестве третьей аналогии Л. Г. Хрушкова определяет капитель из коллекции Бахчисарайского музея-заповедника [17, с. 143, рис. 10–12; 19, с. 115–117, рис. 7–8; 20, с. 161–162, рис. 10, 12].

Предложенные параллели далеко не безупречны. Во-первых, архитектурная деталь, упомянутая последней, в действительности является капителью, которая была найдена М. А. Тихановой [14, рис. 42: 6]. Следовательно, из числа аналогий (по сути, самой себе) её необходимо исключить. Во-вторых, храм в Рогуз-Дере непосредственного отношения к ранневизантийской эпохе не имеет [6, с. 105]. Более того, археологическими исследованиями установлено, что эта церковь «функционировала в течение одного непродолжительного периода времени, в пределах конца IX — первой половины X вв.» [3, с. 158]. В-третьих, столь раннее (V–VI вв.) происхождение Партенитской базилики, равно как её известнякового декора, до сих пор никем не подтверждено, хотя раскопки на памятнике проводились трижды: Д. М. Струковым в 1871 г., Н. И. Репниковым в 1907 г. и С. Б. Адаксиной в 1998–2001 гг. [1].

Архитектурные детали, найденные на начальном этапе изучения Партенитской базилики, не сохранились. Некоторые из них бегло упоминаются в отчётных материалах исследований, связаны с алтарным пространством [11, с. 111–112; 1, с. 409–417; 5, с. 304–306]. Известны также три фотографии импостной капители из мрамора, случайно обнаруженной около развалин храма ещё до раскопок, в 1869 г. [11, с. 92–93, прим. 6, рис. 46–48].

Практически полностью утраченными оказались и находки 1907 г. [1, с. 422–427]. Определённое представление о резном декоре строения позволяют получить опубликованные Н. И. Репниковым краткие описания и изображения нескольких архитектурных деталей (Рис. 2). По свидетельству учёного, для их изготовления использовался известняк, а сами они «являются продуктом местного изделия» [11, с. 113–114].

Капитель, ставшая впоследствии основной аналогией для мангупских произведений, известна только по рисунку (Рис. 2: 3). Самому исследователю она напомнила находку из храма в Рогуз-Дере [11, с. 114, рис. 52; 6, с. 102]. В том же стиле выполнена и резная колонка со сложно профилированной базой (Рис. 2: 8). Изделие украшено четырьмя многодольными листьями зубчатого аканфа, равномерно покрывавшего всю поверхность фуста. Назначение детали Н. И. Репников определить затруднился [11, с. 114, рис. 50].

Исследователь выделил находки, возможно, принадлежавшие алтарной преграде. Судя по уцелевшим обломкам, она была украшена «сложным и пышным растительным орнаментом», завершалась узорчатой решёткой из переплетающихся между собой кругов (Рис. 2: 7). От устоев найден фрагмент квадратного в сечении столбика с профилированной поверхностью (Рис. 2: 1). По мнению Н. И. Репникова, он повторяет обычную для памятников Херсонеса часть алтарной преграды. К числу остатков последней им отнесены также многочисленные фрагменты, «представляющие собой

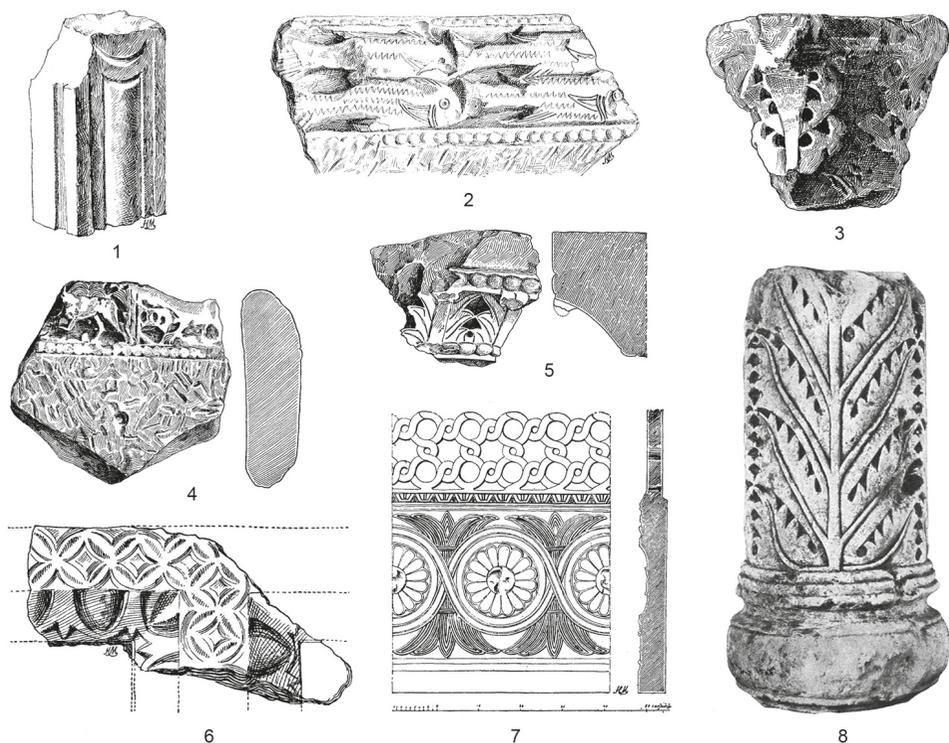

Рис. 2. Фрагменты архитектурных деталей из раскопок храма св. Апостолов Петра и Павла в Партенитах [11, рис. 49–60]

рамки, украшенные изящным орнаментом» из разделённых стрелками овов и четырёхконечных розеток (Рис. 2: 6) [11, с. 114–115, рис. 49, 51, 59].

Во время раскопок были найдены обломки карнизов с рельефными изображениями. На одном сохранился «фриз из рыб (кефаль)» (Рис. 2: 2), на втором представлено некое «четвероногое животное среди растительного орнамента» (Рис. 2: 4), лицевая сторона третьего украшена листьями зубчатого аканфа (Рис. 2: 5). Объединяет их применение жемчужника из круглых бус. Фрагменты принадлежали внутреннему убранству апсиды [11, с. 114–115, рис. 53–58].

Представление о лапидарной коллекции из раскопок Н. И. Репникова ощутимо дополняют материалы археологических исследований 1998–2001 гг. Поскольку С. Б. Адаксиной пришлось изучать храм, почти полностью расчищенный предшественниками, находки архитектурных деталей происходят главным образом из отвалов 1907 г. Тем не менее, работы оказались плодотворными и позволили не только уточнить форму отдельных изделий, но также установить, что рельефы, украшавшие алтарное пространство базилики, в частности, карнизы и ажурная конструкция преграды были выполнены из светло-серого известкового мергеля [1, с. 474, рис. 23].

Появление храма св. Апостолов Петра и Павла в Партенитах обычно, на основании косвенных свидетельств агиографических и эпиграфических источников, связывается с деятельностью Иоанна Готского, приходившуюся на вторую половину VIII в. Данное обстоятельство стало камнем преткновения для многих специалистов [1, с. 474–503]. В значительной мере оно повлияло также на выводы и Н. И. Репникова, который отнёс возведение базилики к концу VIII в. Согласно наблюдениям учёного, найденные при раскопках архитектурные детали из известняка принадлежали первоначальному зданию [11, с. 94–97].

На иной дате настаивает М. А. Тиханова. Исследовательница считает, что время строительства храма Н. И. Репниковым было определено «отнюдь не на основании археологических данных», но исключительно следуя преданиям. По её мнению, материалы раскопок и архитектурные особенности церкви «с несомненностью говорят о более ранней дате базилики, вполне сходной с херсонесскими базиликами V–VI вв.». В результате она утверждает, что выступающая в качестве аналогии партенитская капитель также должна быть отнесена к этому времени [14, с. 385–386].

А. Л. Якобсон, наоборот, поддержал вывод Н. И. Репникова, назвав его убедительным. Он считает, что исследованному храму предшествовала более древняя церковь, которой могли принадлежать найденные в ходе раскопок архитектурные детали. По мнению учёного, «построение первоначальной базилики правильнее отодвинуть ко времени не позднее середины VI в., базилику VIII в. рассматривать как перестройку первоначальной, которая к тому времени, вероятно, превратилась в развалины» [23, с. 197].

В результате археологического изучения памятника, осуществлённого С. Б. Адаксиной в 1998–2001 гг., установлено, что здание храма было возведено в последней трети X в. Вывод подтверждается нумизматическим и керамическим материалом, а также плановой схемой самой церкви, соотносимой с т.н. типовыми базиликами IX–X вв., получившими массовое распространение в архитектуре византийских провинций, в частности, на Балканах и в Крыму. Никаких других сооружений, предшествовавших данной постройке, не найдено. Более того, в отложениях строительного горизонта обнаружены мелкие фрагменты мергеля, оказавшиеся в культурном слое при обработке архитектурных деталей во время возведения храма [1, с. 474, 502].

Как ни парадоксально, но впервые вероятность подобной даты была обозначена ещё в конце XIX в. И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым, которые считали, что появление Партенитской базилики можно отнести к X–XII вв. [15, с. 30]. Однако, ни их авторитетное мнение, ни результаты последнего археологического изучения памятника не смогли повлиять на взгляды целого ряда нынешних специалистов, ратующих за происхождение постройки в ранневизантийский период [1, с. 487–502].

И. А. Завадская считает, что храм мог быть возведён в конце VII — начале VIII вв., свидетельством чему служат «фрагменты и целые декоративные архитектурные детали, прежде всего мраморные, обнаруженные на месте развалин» [5, с. 304–305, 308, 312]. На раннем происхождении Партенитской базилики и её архитектурного декора настаивает также Л. Г. Хрушкова. Она упоминает две находки из раскопок Н. И. Репникова. Маленькую известняковую капитель от алтарной преграды исследовательница считает аналогией мангупской капители, которую, в свою очередь, «можно датировать концом

V или началом VI в.» [17, с. 143]. Второе изделие, представленное фрагментом резной колонки, по её мнению, «даёт пример высокохудожественного исполнения крупных листьев тонкого зубчатого аканфа». Л. Г. Хрушкова идентифицирует деталь как ножку престола, а затем делает несколько неожиданный и не получивший дальнейшего развития вывод: «Эти фрагменты происходят из какой-то базилики VI в.» [17, с. 144]. В качестве доказательства ранней даты возведения храма в Парthenитах она привлекает также мозаичную вымостку помещений строения, выполненную в технике *opus sectile* [16, с. 45–48; 17, с. 147], что небесспорно. Прежде всего, этому противоречит нумизматический материал второй половины X в. из выравнивающей подсыпки, предшествовавшей декоративному покрытию пола, для которого чётко стратифицированная находка монеты является надёжным хронологическим репером, определяющим *terminus post quem* события [1, с. 461, 501–502]. Более того, целый ряд технологических признаков, не характерных для позднеантичной художественной традиции, но соотносимых с конструкциями, ставшими массовыми к началу XI в., сообщает также сама исследовательница [16, с. 47].

Неожиданные нюансы выяснились при более тщательном изучении мраморной импостной капители VI в., которую все сторонники раннего происхождения Парthenитской базилики в первую очередь привлекают для обоснования своей точки зрения. Л. Г. Хрушкова установила, что данное изделие ремонтировалось. После его обновления на месте утраченного кабошона появился рельефный крест с листиками крина между ветвями, характерный для VIII–IX вв. По мнению исследовательницы, капитель была привезена из Херсонеса и могла использоваться вторично, например, в конструкции престола [17, с. 146–147, рис. 21].

Подводя итоги рассмотрению резного декора двух основных памятников региона, Л. Г. Хрушкова пришла к важному, хотя и несколько идеализированному, выводу: «Архитектурные детали из местного камня, найденные на Мангупе и в Парthenитах, их техническая и стилистическая близость, позволяют говорить о наличии в первой половине VI в. местной мастерской, которая специализировалась на изготовлении элементов оформления алтарной зоны, подражающих византийскому мрамору» [19, с. 117]. Если предложенная ею дата, как показывают примеры Парthenитской базилики и церкви в Рогуз-Дере, далеко не бесспорна, то с заключением о существовании общего центра производства резной продукции можно согласиться. Вероятнее всего, тот находился либо на территории самого Мангупа, либо рядом с ним, где имелись необходимые условия и ресурсы. По крайней мере, в южнобережной части полуострова месторождений мергеля нет.

Вряд ли стоит сомневаться в местном происхождении декоративного убранства ещё одного мангупского сооружения — крестообразного храма, построенного на рубеже IX–X вв. При его археологическом изучении В. Л. Мыцом также были обнаружены архитектурные детали из мергеля, украшенные резьбой. Они представлены разрозненными фрагментами рельефных рамок и краем плиты с частично уцелевшей ветвью креста, поверх которой нанесено граффити на греческом языке (Рис. 3). Находки происходят из чётко датированного слоя, связанного с пожаром и разрушением X в. Палеографические особенности надписи указывают на конец IX — начало X вв. [7, с. 232–235, рис. 7, 8; 24, V 181].

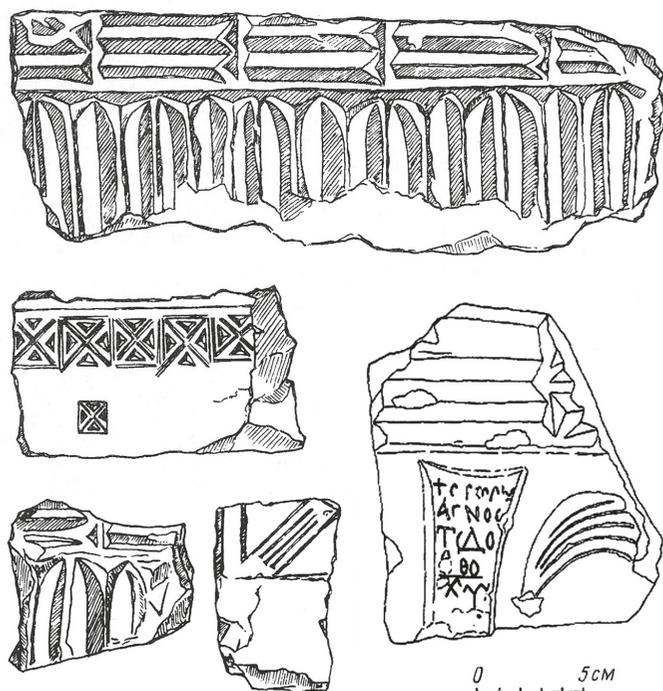

Рис. 3. Фрагменты архитектурных деталей из раскопок крестообразного храма Мангупа [7, рис. 7, 8]

Уникальная коллекция резного декора из светло-серого известкового мергеля была получена во время раскопок большого каменного дома X–XI вв. в Ласпи, проведённых Е. А. Паршиной в 1977–1981 гг. [9, с. 368; 10, с. 382; 8, с. 321]. Материалы исследований в большинстве своём остались неопубликованными⁵. Находки архитектурных деталей представлены остатками нескольких изделий, сохранившихся в виде разрозненных фрагментов.

Наиболее многочисленными являются обломки двух колонок. Одна из них была круглой, завершалась небольшим ободком. Верхний диаметр фуста — 25,4 см. Вторая опора имела октагональное сечение и ступенчатый профиль на концах. Её размеры: ширина грани — 10 см, толщина — около 24 см. Поверхности обеих колонок гладкие, на многих местах нанесены граффити в виде надписей и различных рисунков, среди которых часто встречаются схематично изображённые лики святых. А. Ю. Виноградов считает надписи инвокативными и относит их на основании палеографических особенностей к XI–XII вв. [24, V 236].

⁵ Сердечно благодарю сотрудников Ялтинского историко-литературного музея Н. Г. и К. В. Новицких, оказавших мне неоценимую помощь при работе с материалами раскопок.

Вероятнее всего, круглой колонке принадлежала двузонная капитель, украшенная фигурами орлов и листьями мелкого зубчатого аканфа с дуговидным обрамлением (Илл. 21, 22). Между собой они сопоставимы по величине. Более или менее определённо можно судить о форме и декоративном убранстве верхней части детали. Абак представлял собой обычную для сложных капителей квадратную плиту с вогнутыми сторонами. Середина каждой из них отмечена рельефным восьмиконечным цветком, остальные участки лицевой поверхности полностью покрыты стилизованными листьями с уступчатым расположением орнамента. Ближайшей аналогией последним являются т.н. «чешуйки» капителей мангупской базилики и храма в Рогуз-Дере (Рис. 1) [17, с. 143, рис. 10, 12]. Концы абака снизу поддерживались протомами орлов.

Скульптурные изображения птиц выполнены с анатомической точностью. Показаны даже ушные раковины, обычно незаметные, а оперение представлено разными видами перьев. Безукоризненные формы и тщательная проработка деталей капители, особенно птичьих голов и отогнутых книзу верхних концов листьев аканфа, свидетельствует не только о высоком профессиональном уровне мастера, но указывают на использование в качестве образца ранневизантийского мраморного подлинника. Оригинал изделия, подвергшегося копированию, впоследствии был утрачен либо пока ещё не найден. Он однотипен с капителью, случайно обнаруженной в монастырском саду Херсонеса. Общим для них является двузонная композиция и одинаковая величина. Согласно обмеру XIX в., диаметр основания херсонесской капители равен 10 дюймам [18, рис. 1, № 25].

Ласпинская капитель представляет собой уникальное произведение архитектурной пластики. Вместе с тем, подобные изделия вполне могли применяться также для украшения Партенитской базилики. Косвенным подтверждением этому служит сообщение Д. М. Струкова, который в кратком перечне найденных им архитектурных деталей упоминает фрагмент некой капители «с символами евангелистов», к настоящему времени не сохранившейся. Из какого точно материала она была изготовлена и кто именно — лев, телец, ангел или орёл на ней был изображён, не указывается. Примечательно, что И. А. Завадская, опубликовавшая эту информацию и предположившая тождество утраченной находки с херсонесскими образцами из мрамора, видимо, не зная о существовании ласпинского изделия, сочла необходимым отметить: «Местные подражания из известняка таким капителям вообще не известны» [5, с. 305].

Фрагментарной реконструкции поддаётся ещё одна архитектурная деталь — impostная капитель, принадлежавшая восьмигранной колонке. Относительно уверенно можно судить лишь о форме и декоративном убранстве её верхней части. Она представляла собой массивную прямоугольную плиту, лицевые стороны которой украшены сплошной лентой из одинаковых стрельчатых побегов. Ближайшей аналогией этому орнаментальному мотиву является рельефное обрамление, применявшееся в крестовидном храме Мангупа (Рис. 3). Соотносимые с данной капителью крупные листья мелкого зубчатого аканфа с массивными жилками имеют параллели в растительном узорочье колонки из Партенитской базилики (Рис. 2: 8).

Выводы. Сопоставление результатов искусствоведческого и археологического изучения резного декора из мергеля, украшавшего монументальные постройки средне-

векового Крыма, не даёт оснований считать его ранневизантийским. Обнаруженные раскопками архитектурные детали в основном принадлежат сооружениям, которые однозначно датируются IX–X вв. — крестообразным церквям Мангупа и Баклы, храму в Рогуз-Дере. В случае с Большой мангупской базиликой их применение следует отнести ко второму строительному периоду, который также приходится на IX–X вв. и отмечен полным обновлением здания. Надёжным хронологическим репером является каменная пластика Партенитской базилики. Её декоративное убранство непосредственно связано с первоначальным храмом, что подтверждается наличием мелких кусков мергеля в отложениях строительного горизонта, убедительно датируемого последней третью X в. Ранневизантийские церкви на территории Ласпи не известны, а время существования поселения с богато украшенным большим домом не выходит за рамки X–XIV вв. Само строение погибло в пожаре конца X — начала XI вв. и больше не восстанавливалось. Архитектурные детали из мергеля часто используют одинаковые формы и орнаментальные мотивы, характерные для популярного в IX–X вв. т. н. «пережиточного античного» стиля. В большинстве своём они могут быть датированы X в. Камнерезам были доступны для копирования ранневизантийские мраморные образцы, в том числе раритетные изделия, подтверждением чему служит пример ласпинской капители. Основной центр производства, вероятнее всего, находился на Мангупе, деятельность самостоятельной мастерской предполагается на Бакле.

Литература

1. Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // *Христианский Восток*. — 2013. — Т. 6 (XII). — С. 401–503.
2. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь: ДАР, 1999. — 352 с.
3. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Сакральная топография Мангупа: история изучения, каталог и периодизация культовых памятников городища // *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ*. — 2019. — Вып. 2. — С. 115–176.
4. Домбровский О. И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // *Сообщения Херсонесского музея*. — 1963. — Вып. 3. — С. 76–86.
5. Завадская И. А. О строительных периодах храма св. Апостолов Петра и Павла в Партените // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. — 2006. — Вып. XII. — С. 299–320.
6. Марквич А. И. Экскурсия на Мангуп // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. — 1890. — № 9. — С. 101–107.
7. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // *Советская археология*. — 1990. — № 1. — С. 224–242.
8. Паршина Е. А. Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи // *Археологические открытия 1979 года*. — 1980. — С. 321.
9. Паршина Е. А., Мыц В. Л. Исследования в уроч. Ласпи // *Археологические открытия 1977 года*. — 1978. — С. 368–369.
10. Паршина Е. А., Мыц В. Л. Раскопки в урочище «Ласпи» // *Археологические открытия 1978 года*. — 1979. — С. 382–383.
11. Ренников Н. И. Партенитская базилика // *Известия Императорской археологической комиссии*. — 1909. — Вып. 32. — С. 91–140.
12. Рудаков В. Е. Христианские памятники Баклы. Храмовый комплекс X–XIII вв. // *Античная древность и средние века*. — 1984. — № 21. — С. 35–57.
13. Рудаков В. Е., Степаненко В. П. К датировке Баклинского храма // *Античная древность и средние века*. — 1987. — № 23. — С. 68–72.

14. Тиханова М. А. Базилика // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1953. — № 34. — С. 334–389.
15. Толстой И., Кондаков Н. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева // Русские древности в памятниках искусства. — 1891. — Вып. 4. — 176 с.
16. Хрушкова Л. Г. Полю *opus sectile* в Восточном Причерноморье, Крыму, Киеве: византийский контекст // Труды Государственного Эрмитажа. — 2012. — № LXV. — С. 34–59.
17. Хрушкова Л. Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. — 2016. — Т. 2(68), № 2. — С. 137–162.
18. Хрушкова Л. Г. Византийский мрамор Херсонеса Таврического: начало изучения // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. — 2017а. — Вып. 9. — С. 311–341.
19. Хрушкова Л. Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — 2017б. — Вып. XXII. — С. 107–138.
20. Хрушкова Л. Г. Об одном маленьком юбилее: изучение византийского мрамора в Херсонесе Таврическом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. — 2017. — Т. 3 (69), № 2. — С. 147–168.
21. Хрушкова Л. Г. Ранневизантийские капители из Херсонеса Таврического // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. — 2019. — № 11. — С. 303–469.
22. Яйленко В. П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. — 1987. — Вып. 48. — С. 160–171.
23. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1959. — № 63. — 364 с.
24. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³)*. URL: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (дата обращения: 08.01.2021).
25. Grabar A. La décoration architecturale de l'église de la Vierge à Saint-Luc en Phocide et les débuts des influences islamiques sur l'art byzantin de Grèce // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 115e année. — No. 1. — 1971. — P. 15–37.

Название статьи. Искусствоведческие и археологические реалии резного декора из мергеля в архитектуре средневекового Крыма

Сведения об авторе. Кирилко, Владимир Петрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии Крыма РАН, пр. академика В. И. Вернадского, 2, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация, 295007. kir.vlad33@gmail.com ORCID: 0000-0002-5431-9127

Аннотация. Среди местных изделий, подражающих позднеантичным и ранневизантийским образцам, выделяется резной декор, выполненный из светло-серого известкового мергеля. Камень добывался на территории Внутренней гряды Крымских гор, а географические рамки распространения строительной продукции из него охватывают юго-западную и южнобережную части полуострова. Наиболее показательные находки представлены на памятниках Баклы, Мангупа, Партенита и Ласпи. Обнаруженные раскопками архитектурные детали из мергеля принадлежат сооружениям, которые были возведены либо полностью перестраивались в IX–X вв. Надёжным хронологическим репером является каменная пластика Партенитской базилики. Её декоративное убранство непосредственно связано с первоначальным храмом, что подтверждается наличием мелких кусков мергеля в отложениях строительного горизонта, убедительно датированного последней третью X в. Мастерам были доступны для копирования ранневизантийские мраморные образцы, в том числе раритетные изделия, свидетельством чему служит пример ласпинской капители с орлами. Результаты исследования позволяют считать, что архитектурные детали из мергеля, украшавшие монументальные постройки средневекового Крыма, в большинстве своём могут быть датированы X в. Основной центр их производства, вероятнее всего, находился на Мангупе, деятельность самостоятельной мастерской предполагается на Бакле.

Ключевые слова: средневековое зодчество Крыма, византийское искусство, архитектурный декор, каменная пластика, перезка из мергеля

Title. Art and Archaeological Realities of Carved Decor from Marl in the Architecture of Medieval Crimea

Author. Kirilko, Vladimir P. — Ph. D., researcher. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences, pr. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Crimea, Russian Federation. kir.vlad33@gmail.com ORCID: 0000-0002-5431-9127

Abstract. Among the local workpieces, which imitates the late antique and early Byzantine period models, the carved decor made from light gray lime marl stands out. The stone was mined on the territory of the Inner ridge of the Crimean Mountains. Geographical scope of the construction products, which spread from this local, covers the southwestern and southern coastal parts of the peninsula. The most indicative finds are presented at the monuments of Bakla, Mangup, Partenit, and Laspi. Architectural details from marl, discovered during the excavations, belong to buildings which were erected or completely rebuilt in the 9th–10th centuries. The stone plasticity of the Partenit Basilica is a reliable chronological benchmark. Its decoration is associated with the original church. This is confirmed by the presence of small pieces of marl in the levels of building horizons, convincingly dated to the last third of the 10th century. Early Byzantine marble specimens, including rare items, were available for copying to artisans. An example is the capital with eagles from Laspi. The results of the study let us consider that the architectural details made of marl that adorned the monumental buildings of medieval Crimea, for the most part can be dated to the 10th century. The main center of their production, most likely, was located in the Mangup, while the separate workshop was supposedly located on Bakla.

Keywords: medieval architecture of Crimea, Byzantine art, architectural decor, stone plastic, marl cut

References

Adaxina S. B.; Myts V. L. The Partenit Basilica in 10th to 11th Centuries (the First Stage of the Monument's Existence). *Khristianskii Vostok (Christian East)*, 2013, vol. 6, pp. 401–503 (in Russian).

Dombrovskii O. I. Chersonesus Collection of Medieval Architectural Details. *Soobshcheniia Khersonesskogo muzeia (Reports of the Chersonesus Museum)*, 1963, vol. 3, pp. 76–86 (in Russian).

Gertsen A. G.; Naumenko V. E. The Sacral Topography of Mangup: Research History, Catalogue, and Periodization of Religious Monuments Discovered in the Ancient City. *Chersonos Themata*, 2019, vol. 2, pp. 115–176 (in Russian).

Grabar A. La décoration architecturale de l'église de la Vierge à Saint-Luc en Phocide et les débuts des influences islamiques sur l'art byzantin de Grèce. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1971, no. 1, pp. 15–37 (in French).

Inscriptions antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (IOSPE³). Available at: <https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (accessed 08 January 2021).

Jakobson A. L. Early medieval Chersonesus. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and Research on Archeology of the USSR)*, 1959, no. 63. 364 p. (in Russian).

Khrushkova L. Opus Sectile Pavements on the Eastern Coast on the Black Sea in the Crimea, and in Kiev: Byzantine Context. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum)*, 2012, vol. 65, pp. 34–59 (in Russian).

Khrushkova L. G. Early Byzantine Capitals and Other Elements of Architectural Decoration from South-West Crimea). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki (Scientific notes of the Crimean Federal University of V. I. Vernadsky. Historical Sciences)*, 2016, vol. 2(68), no. 2, pp. 137–162 (in Russian).

Khrushkova L. G. Byzantine Marble of Tauric Chersonesos: Beginning of the Study. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 2017, vol. 9, pp. 311–341 (in Russian).

Khrushkova L. G. On a Small Anniversary: In Regards to the History of the Studying Byzantine Marbles of the Tauric Chersonese. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki (Scientific Notes of the Crimean Federal University of V. I. Vernadsky. Historical Sciences)*, 2017, vol. 3(69), no. 2, pp. 147–168 (in Russian).

Khrushkova L. G. On the Discussion about the Time When the Mangup Basilica Was Constructed. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*, 2017, vol. 22, pp. 107–138 (in Russian).

Khrushkova L. G. Early Byzantine Capitals from Tauric Chersonesus. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ia (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)*, 2019, no. 11, pp. 303–469 (in Russian).

Markevich A. I. Excursion to Mangup. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of the Taurida Academic Archival Commission)*, 1890, no. 9, pp. 101–107 (in Russian).

Myts V. L. A Cruciform Temple in Mangup. *Sovetskaia arheologiia (Soviet Archaeology)*, 1990, no. 1, pp. 224–242 (in Russian).

Parshina E. A. Excavations at the Eski-Kermen Settlement and in the Laspi Natural Boundary. *Arheologicheskie otkrytiia 1979 goda (Archaeological Discoveries of 1979)*, 1980, p. 321 (in Russian).

Repnikov N. I. Basilica of Partenit. *Izvestiia imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)*, 1909, no. 32, pp. 91–140 (in Russian).

Rudakov V. E. Christian Monuments of the Bakla. Temple Complex of the 10th–13th Centuries. *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)*, 1984, no. 21, pp. 35–57 (in Russian).

Rudakov V. E.; Stepanenko V. P. To the Dating of the Carvings of the Bakla Temple. *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and the Middle Ages)*, 1987, no. 23, pp. 68–72 (in Russian).

Tikhanova M. A. Basilica. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and Research on Archeology of the USSR)*, 1953, no. 34, pp. 334–389 (in Russian).

Zavadskaya I. A. On Construction Period of the St Peter and Paul Church in Partenit. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*, 2006, vol. 12, pp. 299–320 (in Russian).

Илл. 21. Фрагмент капители из раскопок Большого дома Ласпи. 2020 г. Ялтинский историко-литературный музей. Фотография В. П. Кирилко

Илл. 22. Фрагмент капители из раскопок Большого дома Ласпи. 2020 г. Ялтинский историко-литературный музей. Фотография В. П. Кирилко